

ФИЛОСОФИЯ

О.Ф. Русакова*

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДИСКУРСА

Понятие «дискурс» – одно из самых интенсивно применяемых в гуманитарных науках, политических, масс-медийных и деловых кругах. Им обозначаются весьма разноплановые ментальные и практические модусы социумной жизни, включая ее виртуальные образования.

В научной литературе и на Интернет-сайтах встречается великое множество определений, интерпретаций и аналитических исследований того, что именуют термином «дискурс».

В целом, на наш взгляд, всю многоголосоицу существующих теоретических трактовок дискурса можно определенным образом классифицировать, взяв за основу доминирующие в гуманитарных и социально-политических науках теоретико-методологические подходы.

Изучение многочисленных работ и междисциплинарных исследований в сфере дискурс-анализа позволило нам выделить следующие основные подходы к интерпретации дискурса:

- *лингвистические* подходы к анализу дискурса, включая методы социолингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики, лингвосинергетики и прочих лингвистических дисциплин;
- *кратологические* трактовки дискурса, фокусирующие внимание на его властных характеристиках;
- *семиотические* трактовки дискурса, рассматривающие дискурс как знаково-символическое культурное образование, как культурный код;
- *социо-коммуникативные* трактовки дискурса, акцентирующие внимание на коммуникативных целях и социальных функциях;
- *постмодернистские* трактовки дискурса, представляющие дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит конструирование и переформатирование реальности;
- *критический дискурс-анализ*, соединяющий лингвистические, кратологические, семиотические и социо-коммуникативные трактовки.

Следует отметить, что перечисленные подходы к пониманию дискурса соотносятся между собой не по принципу оппозиции или альтернативности, а по принципу акцентации или фокусировки. Их парадигмальные установки не столько конкурируют друг с другом, сколько предлагают ту или иную методологическую оптику, застав-

* Русакова Ольга Фредовна – заведующая отделом философии ИФиП УрО РАН, доктор политических наук, профессор.

ляющую фокусировать внимание на определенных аспектах и свойствах. По сути не существует ни одного «чистого» подхода к дискурсу, в котором бы не встречались элементы других его теорий. Это свидетельствует о том, что все существующие трактовки разрабатывались на основе междисциплинарных исследований.

Лингвистические подходы к анализу дискурса

Наиболее многочисленны работы, в которых *дискурс трактуется с лингвистических позиций*. Именно в лингвистике термин «дискурс» стал впервые применяться в качестве самостоятельной категории. Считается, что ввел его в научный лингвистический оборот бельгийский ученый Э. Бюиссанс в своей работе «Язык и дискурс», опубликованной в Брюсселе в 1943 г. В бинарную оппозицию язык/речь Бюиссанс включил третий член – дискурс, под которым подразумевался механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь. В целом же в лингвистике вплоть до 1960-х гг. понятие дискурс использовалось как синоним текста и речи.

Начиная с 1960-х гг. понятие «дискурс» становится крайне популярным не только в лингвистике, но и в большинстве гуманитарных наук. Связано это было с так называемым *лингвистическим поворотом*, который в значительной степени был спровоцирован распространением структуралистской методологии и появлением структурной лингвистики.

В основе структуралистской концепции языка лежала идея о том, что именно язык выступает универсальной матрицей, в которой зашифровано самое надежное знание о мире. Изучение структуры языка – ключ к изучению бытия человека и мира. Структуры языка в соответствии с новой методологической парадигмой стали рассматриваться уже не столько в качестве отражения и репрезентации реальности, сколько в качестве инструментария ее конструирования и трансформирования.

Первыми попытками лингво-структурного подхода к анализу дискурса стали работы французского исследователя Клода Леви-Стросса¹. В фокусе исследований Леви-Стросса оказался *дискурс первобытного мифа*. Анализируя древние мифы с позиций структурного подхода, Леви-Стросс пришел к выводу о том, что дискурс мифа представляет собой открытую структуру, поскольку «мифические темы способны варьироваться до бесконечности». Этой особенностью мифологический дискурс структурно похож на дискурс музыкальных вариаций. И тот и другой порождают многочисленные версии виртуальной реальности, через которую преломляется и вос-

¹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985; *Он же.* Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.

принимается действительность. «Музыка и мифология ставят человека лицом к лицу с виртуальными объектами, и действительностью обладает лишь их тень»¹.

Значительный вклад в разработку структурно-лингвистического подхода к изучению дискурса внесла французская школа дискурс-анализа. Данное направление представлено работами Э. Бенвениста («Проблемы общей лингвистики», 1966 и др.) и Мишеля Пешо («Автоматический анализ дискурса», 1969; «Прописные истины», 1975; «Дискурс – структура или событие?», 1988 и др.).

Э. Бенвенист трактовал дискурс как комплексную лингвистическую структуру, превышающую по объему предложение. Под дискурсом он понимал языковую структуру, которая обладает не только системно-знаковыми характеристиками, но и процессуально-коммуникативными свойствами: «вместе с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, мир языка как орудия общения, выражением которого является дискурс»².

Особенностью трактовки дискурса Пешо является соединение лингвистического и идеологического структурных подходов в дискурс-анализе конкретных текстов.

Дискурс, с точки зрения Пешо, – это точка, где встречаются язык и идеология, а дискурсивный анализ – это анализ идеологических аспектов использования языка и реализации в языке идеологии. Смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе. Дискурсивный процесс рассматривается Пешо как часть идеологических классовых отношений³. В лингвистических терминах дискурсивный процесс описывается им как система отношений парафраз (пересказываний), синонимии и метонимии с идеологическими символами⁴. При этом идеологические структуры рассматриваются в качестве связки между индивидуальными и универсальными (социальными) моментами в дискурсе.

Пешо была разработана модель автоматического анализа дискурса, в основу которой легла идея о неустранимом влиянии места, времени и социокультурного контекста на условия производства дискурса. Речь идет о формирующей дискурс социально-исторической ткани, о социокультурной заданности дискурса: не субъект как таковой является автором производимого им дискурса, а некая внесубъектная «матрица смыслов», которая автоматически управляет

¹ Цит. по: Деррида Жак. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 2000. С. 419.

² Цит. по: Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2006. С. 11.

³ Pecheux M. Les verites de la palice. Paris: Masbero, 1975. P. 82.

⁴ Ibid. P. 145-146.

дискурсом субъекта, определяет способы производства дискурса. Данную матрицу Пешо обозначает термином «идеологическая формация». «Идеологические формации ...», – отмечает Пешо, – определяют то, что может и должно быть сказано (в форме наставления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.д.) в соответствии с определенной позицией и при определенных обстоятельствах»¹.

Пешо предполагает, что люди занимают иллюзорную позицию, видя себя источниками дискурса. На самом деле дискурс, да и сами люди как субъекты дискурса, – лишь следствия идеологического позиционирования. Субъект дискурса есть не что иное, как производимый в ходе дискурсивной практики эффект субъектности – «l'effet-subject». Источники дискурса и процессы идеологического позиционирования скрыты от людей. Более того, дискурсивные конструкции, в рамках которых идеологически позиционируются люди, сами формируются под воздействием совокупности дискурсивных формаций, которые Пешо называет «интердискурсом».

Творчество Пешо оказало серьезное влияние на современных представителей французской школы дискурс-анализа, среди которых следует назвать П.Серио.

Патрик Серио в своей вступительной статье к сборнику работ «Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса», опубликованной в русском переводе в 1999 г., выделяет восемь значений понятия «дискурс», которые фигурируют в исследованиях французской школы дискурс-анализа. «Термин *дискурс*, – отмечает автор, – получает множество применений. Он означает, в частности:

1* эквивалент понятия «речь» в сосюрвовском смысле, то есть любое конкретное высказывание;

2* единицу, по размеру превосходящую фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;

3* в рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом называют воздействие высказывания на его получателя и его вменение в «высказывательную ситуацию» (что подразумевает субъект высказывания, адресат, момент и определенное место высказывания);

4* при специализации значения 3 «дискурс» обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания;

5* у Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;

¹ Цит. по: Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 560.

6* иногда противопоставляются *язык* и *дискурс* (langue/discourse) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи» как «дискурсе»;

7* термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о «феминистском дискурсе» или об «административном дискурсе», рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации;

8* по традиции анализ дискурса определяет свой предмет исследования, разграничивая *высказывание* и *дискурс*.

Высказывание – это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; *дискурс* – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования в «языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс»¹.

В современной отечественной лингвистике дискурс часто трактуется с позиций *деятельностного подхода*. При этом структурно дискурс рассматривается как единство текста и контекста, лингвистических и социокультурных компонентов. Типичным в этом плане является трактовка дискурса, данная В.В. Красных: «...**дискурс** есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.

При рассмотрении дискурса с точки зрения *результата* он (дискурс) предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как *процесса* он представляет собой вербализуемую («здесь и сейчас») речемыслительную деятельность. Дискурс имеет два плана – собственно лингвистический и лингво-когнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Вто-

¹ Серю П. Анализ дискурса во французской школе ... С. 549-550.

рой связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс)»¹.

В.В. Красных обращает внимание на разнообразие трактовок дискурса в лингвистике, выделяя его узкое и широкое понимание: «Дискурс в узком понимании является проявлением речевой деятельности (наряду с текстоидами) в разговорно-бытовой речи и представляет собой обмен репликами без особого речевого замысла... Дискурс в широком понимании трактуется как проявление речедеятельностных возможностей отдельной языковой личности..., как система коммуникации...»².

В лингвистическом дискурс-анализе одним из центральных методологических вопросов является вопрос о дифференциации и корреляции понятий «дискурс» и «текст». Е.И. Шейгал, к примеру, выделяет следующие варианты соотношения данных категорий в лингвистических исследованиях:

– текст рассматривается как «словесная запись», а дискурс – как речь погруженная в жизнь, как язык живого общения;

– дискурс представляется как явление деятельностное, процессуальное, связанное с речевым производством, а текст – как готовый продукт, результат речепроизводства, имеющий завершенную форму;

– дискурс и текст связаны отношением реализации: дискурс находит свое выражение в тексте; трактуется как речевое событие, в ходе которого творится текст в качестве ментального конструкта;

– дискурс ассоциируется только с устной речью, а текст – с письменной ее формой;

– термин «дискурс» выступает родовым понятием по отношению к видовым понятиям «речь» и «текст», объединяет все параметры, свойственные и речи и тексту (речь связана со звучащей субстанцией, бывает спонтанной, ненормативной, текст же отличается графической репрезентацией языкового материала, он подготовлен, нормативен);

– дискурс трактуется как коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенных контекстах общения; данный подход можно представить в виде следующей формулы: «дискурс = текст + интерактивность + ситуативный контекст + культурный контекст»³.

Ряд исследователей считают, что отношения между дискурсом и текстом носят опосредованный характер. Так, по мнению австра-

¹ Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. М., 2001. С. 200 – 201.

² Там же. С. 199.

³ Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 10-12.

лийского специалиста в области дискурс-анализа Гюнтера Кресса, дискурс имеет социальное происхождение, а текст – лингвистическое. Дискурс – это способ говорения, обусловленный социальными институтами и социальными отношениями. Именно эта социальная основа подчеркивается в таких выражениях, как «юридический дискурс», «медицинских дискурс», «расистский дискурс», «сексистский дискурс». Особенности того или иного дискурса находят выражение в лингвистической форме. В свою очередь лингвистическая форма, представленная в тексте, репрезентирует специфические аспекты дискурса.

Кроме лингвистической формы, считает Кресс, роль посредника между социально детерминированным дискурсом и текстом выполняет такое образование как *жанр*. Жанры рождаются, чтобы обеспечить оформление и выражение определенного дискурса. Например, до середины XIX в. в газетах не существовало такого жанра как «передовая статья». Его появление было обусловлено потребностью оформления нового дискурса. Жанр имеет модальный эффект, который касается манеры прочтения текста. Так, выражение сексистского дискурса в жанре передовицы будет иметь иную модальность, чем в коротком рассказе.

Любой отдельно взятый текст, отмечает Кресс, может быть результатом множества дискурсов, часто противоречивых, поскольку текст редко бывает цельным с точки зрения лингвистических особенностей, которые он содержит, или дискурсов, которые он выражает¹.

Кратологическая теория дискурса

Общепризнанной крупной фигурой в области интерпретации дискурса и его глубокого теоретического анализа является Мишель Фуко. С его именем связано появление и развитие *кратологической трактовки дискурса*, получившей широкое применение в таком направлении как критический дискурс-анализ.

В своих работах Фуко акцентировал внимание на *властной, принудительной силе дискурса*. Дискурсы в его интерпретации выступают мощным властным ресурсом и потому оказываются объектами желаний, опасений, контроля.

Доступ к дискурсам регламентируется и контролируется в обществе властными инстанциями. За право их присвоения идет непрерывная борьба.

Такой институт социализации как образование выступает важной инстанцией по контролю доступа к дискурсам, а также инструментом их социально дифференцированного присвоения и распре-

¹ Kress G. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. V. 4. Discourse Analysis in Society. London, 1985. P. 28-29.

деления. «Сколько бы ни утверждалось, – пишет Фуко, – что образование по неотъемлемому праву является средством, открывающим для любого индивида в обществе, подобном нашему, доступ к дискурсу любого типа, – хорошо известно, что в своем распределении, в том, что оно позволяет и чего не допускает, образование следует курсом, который характеризуется дистанциями, оппозициями и социальными битвами. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут»¹.

В сфере науки властно-принудительная сила дискурса осуществляется в требованиях соблюдения дисциплинарной идентичности. «Дисциплина – это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил»².

Властная сила дискурсов, по Фуко, состоит в заключенных в них правилах и запретах, направленных на подавление всего, что не соответствует принятым в определенном сообществе нормам. Сила дискурсов как социальных контролеров проистекает из привносимых ими в общественное сознание оценочных схем, разделяющих слова, мысли, поступки на дозволенные и недозволенные, приличные и неприличные, публично артикулируемые и подлежащие умолчанию.

Следует подчеркнуть, что скрещивание понятий дискурса и власти у Фуко осуществляется на основе своеобразного толкования того, что представляет собой власть. Для Фуко власть – это не некий институт и не структура, а *«множественность отношений силы»*, интеграция отношений силы. Власть трактуется как интегрированный результат игры подвижных отношений неравенства: «отношения власти не находятся во внешнем положении к другим типам отношений (экономическим процессам, отношениям познания, сексуальным отношениям), но имманентны им; они являются непосредственными эффектами разделений, неравенств и неуравновешенностей, которые там производятся; ...отношения власти не находятся в позиции надстройки, когда они играли бы роль простого запрещения или сопровождения; там, где они действуют, они выполняют роль непосредственно продуктивную»³.

Внутри энергетического поля власти, по Фуко, находится множество точек сопротивления: «последние выполняют внутри отношений власти роль противника, мишени, упора или выступа для

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М., 1996. С. 74.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 193, 194.

захвата. Эти точки сопротивления присутствуют повсюду в сети власти»¹. Эти точки подвижны. Они вносят в общество динамику расслоения. Рой точек сопротивления, пронизывая социальные стратификации, перекраивает поле власти, производит изменения в индивидах, в их душах и телах.

Распределение и перераспределение власти для Фуко есть перегруппировка инстанций знаний. Сцепление власти и знания образует дискурс: «Именно в дискурсе власть и знание оказываются сочлененными»². Иначе говоря, *дискурс – это диспозитив взаимосвязи знания и власти.*

В конкретном дискурсе сращение «знание-власть» воплощается в определенной стратегии или в *стратегических ансамблях*. Так, например, дискурс о сексе, по мнению Фуко, начиная с XVIII в., включает в себе четыре стратегических ансамбля: 1) *истеризация тела женщины* (тело женщины было квалифицировано как тело, до предела насыщенное сексуальностью, и потому подлежало дисциплинарному воздействию, то есть приведению в соответствие с существующими представлениями о социальной роли женщины и с определенными моральными нормами); 2) *педагогизация секса ребенка* («дети определяются как «пороговые» сексуальные существа, как находящиеся еще по эту сторону от секса и одновременно – уже в нем, как стоящие на опасной линии раздела; родители, семья, воспитатели, врачи и психологи впоследствии должны будут взять на себя постоянную заботу об этом зародыше секса»); 3) *социализации репродуктивного поведения* (проведение демографической политики путем применения различных социальных и налоговых мер по отношению к плодовитости супружеских пар, а также через вменение ответственности супругов перед социальным телом в целом, которое следует ограничить, или, наоборот, увеличивать); 4) *психиатризация извращенного удовольствия* (сексуальный инстинкт был подвержен дифференциации на нормальность и патологию посредством проведения клинического анализа выделенных аномалий; была предпринята попытка создания корректирующей технологии для вычлененных аномалий)³.

Сексуальность, по Фуко, это не нечто, что существует независимо от «знания-власти». Это и есть само «знание-власть», то есть дискурс в его конкретных стратегиях.

В целом отношения дискурса и власти носят амбивалентный характер. Дискурс одновременно выступает и средством, и источником властвования, инструментом и эффектом власти, ее охранником и подрывником. «Молчание и секрет, – пишет Фуко, – равно дают приют власти, закрепляют ее запреты; но они же и

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания ... С. 196.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 205-207.

ослабляют ее тиски и дают место более или менее неясным формам терпимости»¹.

Кратологическая концепция дискурса М. Фуко выступает идейно-теоретическим источником трактовки дискурса как властного ресурса². Согласно данной трактовке, дискурсы – это знаково-символические формы саморепрезентации власти. Все властные ресурсы представляют собой социальный капитал (административный, финансовый, информационный и др.). Дискурс – это тоже капитал, а именно, *коммуникационный капитал*, поскольку представляет собою одновременно инструментарий и искусство властвования, а, точнее, управления с помощью знаково-символических систем. Благодаря дискурсу как властно-управленческому ресурсу устанавливается такой режим коммуникации, в ходе которого посредством осуществления символического обмена достигается стратегическое согласие и взаимное доверие участвующих сторон.

Семиотические концепции дискурса

Развитие семиотики – дисциплины, изучающей знаковые системы, привело к появлению новых толкований понятия «дискурс».

С позиции семиотики дискурс стал рассматриваться как знаковая система, под которой подразумеваются как вербальные системы знаков (речь, текст), так и невербальные (музыка, мода, архитектура, дорожные знаки, товарные знаки). В качестве знаковой системы дискурс предстает в двух основных планах: 1) видимый план – план *репрезентантов* или внешних представлений смыслов и значений, который именуется также термином «означающее»; 2) ментальный план – план *интерпретантов* или способов расшифровки смыслов и значений, который в семиотике называют термином «означающее».

Репрезентанты выступают в виде самых разнообразных *языков культуры*, которые еще иначе называются *культурными кодами*.

Термином «культурный код» вместо термина «язык культуры» предпочитает пользоваться известный семиотик и писатель Умберто Эко. Понятие кода предполагает идею определенной упорядоченности и артикуляции. В этой связи репрезентанты, считает Эко, вовсе не являются зеркальными отражениями реальных объектов (референтов), а выступают определенными способами их кодировки. К примеру, кинообразы – это не слепки внефильмической реальности, а реальность, уже концептуально отфильтрованная, в той или иной степени интерпретированная. Точно так же то, что принято называть историческими фактами или документами, не слепки или оттиски реальности, а ее репрезентанты, требующие декодирования,

¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания ... С. 202-203.

² Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006. С. 151-164.

то есть раскрытия смысла путем интерпретации. Иначе говоря, понятие кода «означает переход от мира сигнала к миру смысла»¹.

Другой знаменитый семиотик Ролан Барт называл язык культуры *империей знаков*. В своих работах он в качестве репрезентантов культурных знаков рассматривал, к примеру, такие объекты как ритуалы приготовления блюд и еды, интерьер жилища, планировка города, устройство вокзала, виды упаковок и др.²

Именно эти транслингвистические знаковые системы Барт включал, наряду с вербальными знаковыми системами, в понятие «дискурс»³.

Творчество Барта содержит теоретический анализ самых разнообразных видов дискурса. В фокусе его исследовательской оптики оказались дискурсы истории, медицины, обычаев. Но особенно пристальный интерес у него вызывали дискурсы современных мифов, продуцируемые массовой культурой, и прежде всего – дискурсы моды, рекламы, предметов массового потребления.

Дискурсы трактуются Бартом как *социальные знаки, наполненные общественно значимыми смыслами и мифическим содержанием*. Социальными знаками являются не только слова, но также и образы, и вещи, которые сообщают нам нечто значимое.

Знак, по Барту, приобретает характер символа, когда между означаемым и означающим устанавливается особенно тесная зависимость, превращающая их связь в синтетическое единство. «Возьмем букет роз – он будет *означать* мою любовь. Разве в нем есть только означающее и означаемое, то есть розы и мое чувство? В нем нет даже и того – есть только розы, «проникнутые любовью». Зато в плане анализа налицо все три элемента, ибо розы, наполненные любовью, точно и безупречно распадаются на розы и любовь; одно и другое существовали по отдельности, пока не соединились вместе, образовав нечто третье – знак»... Или возьмем черный камешек – я могу по-разному наделять его значением, он всего лишь означающее; но коль скоро я придал ему раз и навсегда некоторое определенное означаемое (к примеру, смертный приговор при тайном голосовании), то он становится знаком»⁴.

С появлением массовой культуры и масс-медиа семейство мифов существенно пополняется мифами новой формации, в которых традиционная форма синкретизма означаемого и означающего уступает место новым синтезам – мифам, которые обозначаются Бартом понятием «дискурс».

¹ Эко Э. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. ТОО ТК «Петрополис», 1998. С. 47.

² Барт Ролан. Империя знаков / Пер. с франц. Я.Г. Бражниковой. М., 2004.

³ Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с франц. Вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М., 2003. С. 457.

⁴ Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 237-238.

Вся современная западная цивилизация, рассматриваемая Бартом с позиций семиотики (сам Барт предпочитал использовать термин «семиология»), трактуется им как глобальный мифический дискурс¹.

Своей главной исследовательской задачей Барт считал *создание семиотики дискурса*².

Наибольшее внимание Барт уделяет изучению структуры дискурса современной Моды как феномена массовой культуры. Дискурс-анализу Моды посвящен фундаментальный труд Барта «Система Моды», опубликованный в 1967 г.

В дискурсе Моды Барт выделяет когнитивные, социально-статусные, ролевые и нормативные модели. К когнитивным моделям относятся: 1) модели культурного стиля, под знаком которой демонстрируется модная одежда («платье, которое охотно написал бы Мане»; «калифорнийская рубашка», «силуэт в стиле ампир» и т.п.); 2) модели аффективности или чувств, которые часто бывают родом из детства («платье принцессы», «чудо-платье», «Король Пальто»); 3) модель адресата – модной женщины, которая «воспроизводит в сфере одежды мифическую ситуацию Женщины в западном обществе – существа одновременно возвышенного и инфантильного»; 4) виталистская модель или значимая деталь, «находка», «пустячок», который может означать все и который выступает технологией превращения старомодного в модное; «с помощью такой семантической техники Мода из сферы роскоши как бы переходит в практику одежды, доступной небогатым людям»³.

Социально-ролевые и статусные измерения Моды, по Барту, определяются социологическими и профессиональными сегментами адресной аудитории. В то же время, считает исследователь, риторика модного дискурса ориентируется не только на реальные статусно-ролевые срезы, но и на *утопические*, то есть удовлетворяет потребность необеспеченной аудитории в грезах: «о *платье, которое охотно написал бы Мане*, легче грезить, чем реально его сшить»⁴.

Нормативные модели в дискурсе Моды в значительной степени привязаны к ситуациям времени и места. Ситуация времени, которую репрезентирует Мода, – это по преимуществу *ситуация праздника*. «В Моде, – отмечает Барт, – праздник обладает тиранической властью, подчиняя себе время»⁵. Привилегированное положение в масштабе года у нее занимают весна и время отпусков, а в масштабе недели – уик-энд.

Времена Моды имеют мифическую нагрузку. Так, например, Мода приписывает себе мифический смысл Весны – оживление

¹ Барт Р. Система моды ... С. 474, 476-477.

² Там же. С. 461.

³ Там же. С. 273-278.

⁴ Там же. С. 279.

⁵ Там же. С. 284.

природы, «предоставляя своим читательницам (если не покупательницам) возможность ежегодно соучаствовать в реализации векового мифа: для современной женщины весенняя мода – это отчасти то же самое, чем были для древних греков великие дионисийские празднества или антистерии»¹.

Одним из нормативно-мифических компонентов дискурса Моды выступает соединение тяжелого труда с вечным праздником. Данный миф транслируется риторикой, которая служит для описания эталонной жизни «звезд»: «звезда – это образец (это не может быть ролью), поэтому она занимает место в мире Моды лишь в рамках целого пантеона..., каждое божество которого предстает одновременно и вполне праздным и сугубо занятым»².

Социофессиональные нормативные модели транслируются Модой через мифологию корпоративной культуры, стереотипные представления о женском и мужском труде. Например, в предлагаемой одежде для секретарши мода транслирует образ женщины как существа приближенного к директору и соответствующего нравственно-эстетическому кодексу корпорации («я секретарша, я люблю быть безупречной»). В образе секретарши присутствует миф о Женщине как слуге Мужчины (хозяина). Ее главное достоинство – преданность. Эта мифологема сублимируется в других иной» присутствует игровой момент – «древний мотив переоблачения, атрибут богов, полицейских и бандитов»³.

При исследовании дискурса Моды Барт фокусирует свое внимание преимущественно на вербальных его структурах, часто оставляя за скобками иконические коды.

К анализу иконических структур дискурса или кодов-образов Барт обращается в отдельных небольших статьях, посвященных семиотике фотографии, рекламы и кино.

В статье «Фотографическое сообщение» Барт раскрывает структуру фотографического дискурса, выявляя в нем два вида сообщения: 1) бескодное или прямое линейное сообщение, когда фотографический иконический образ в массовом общественном сознании воспринимается как аналог и копия реальности, 2) кодовое, коннотативное сообщение, когда фотографический образ выступает как знаковый конструкт, несущий в себе не лежащие на поверхности культурные смыслы (коннотации), которые формируются с помощью определенных технических приемов фотосъемки (монтаж, композиция, перспектива, визуальная метафора, фотогения и др.).

Второй вид сообщения отсылает к культурно-историческим контекстам, порождает ассоциативные образы (например, «на фото-

¹ Барт Р. Система моды ... С. 285.

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 291.

графии Шессмана двери газовой камеры отсылают к гробовым вратам в древних мифологиях»¹).

В структуре дискурса фотографии Барт выделяет также такой компонент как *проект прочтения*, ориентирующиеся на уровень знаний и культуры публики. «Прочтение фотографии, благодаря ее коннотативному коду, всегда исторично; оно зависит от читательского «знания», как в настоящем языке, понятном лишь тогда, когда выучишь его знаки... Выявляя коннотативный код, мы тем самым выделяем, описываем и структурируем все «исторические» элементы фотографии, все места на фотографической поверхности, сама непрерывность которых обусловлена некоторым читательским знанием или, если угодно, положением в культуре»².

Присутствие проекта прочтения в дискурсе фотографии обнаруживает себя через присутствие в кадре определенных знаков культуры, которые более или менее образованный зритель способен адекватно расшифровать, «глядя на такой-то городской пейзаж, я знаю, что передо мной североафриканская страна, так как вижу слева вывеску по-арабски, в центре – мужчину в халате-гандуре и т.д.; здесь прочитывание снимка непосредственно зависит от моей образованности, знания света: вероятно, и хорошая газетная фотография ... легко обыгрывает это предполагаемое знание своих читателей – отбираются те снимки, которые содержат больше всего информации такого рода, а потому могут прочитываться с удовольствием; ...просто коннотация, исходящая из знания, всегда обладает успокоительным воздействием – человек любит знаки и любит, чтобы они были ясными»³.

Следует обратить особое внимание на последнее замечание Барта относительно связи проекта чтения в дискурсе фотографии с психологическим эффектом получения удовольствия от декодирования смысла послания. Оно имеет определенную практическую ценность. Данную связь всегда следует иметь в виду, когда работаешь над тем или иным PR-сообщением. Чтобы сообщение максимально достигло своих целей, оно должно содержать информацию, позволяющую адресату применить имеющиеся у него знания и получить от этого удовольствие. Это значит, что послание не должно быть ни слишком сложным, ни слишком простым. От простого послания, в котором смысл абсолютно прозрачен и понятен всем, образованная публика вряд ли получит удовольствие, поскольку от нее не потребуются никакого интеллектуального напряжения. Поэтому грамотно составленное PR-сообщение должно содержать хотя бы минимум коннотативных знаков, отсылающих адресата к богатству его знаний в области культуры, истории, техники и т.п.

¹ Барт Р. Система моды ... С. 384.

² Там же. С. 389.

³ Там же. С. 390.

Семиотический анализ дискурса массовой культуры – в центре внимания другого известного французского мыслителя – Жана Бодрийяра, который одной из своих первых книг дал название «Система вещей» (1968) по аналогии с книгой Барта «Система Моды».

В работах Бодрийяра *семиотический подход к дискурсу соединяется с кратологическим*.

Бодрийяр рассматривает дискурс как властную силу, которой наделены знаки, в том числе вещи как знаковые системы. Эта властная сила вещей-знаков имеет тенденцию возрастания в обществе массового потребления и рекламы. Становясь фетишами, вещи утрачивают свои утилитарные смыслы, превращаясь в грезы, в фантомы, в имитирующие действительность знаки реальности, которым Бодрийяр дал оригинальное название – «симулякры».

Бодрийяр выделяет дискурс о вещах, к каковым он относит рекламу и дискурс-вещь¹.

Дискурс рекламы – это рекламные послания в речевой и образной форме. Реклама есть мир чистой коннотации. В то же время реклама входит в мир вещей, поскольку потребляется как вещь, как предмет культуры. Поэтому у рекламы двойной статус: «она является и дискурсом о вещи, и собственно вещью»².

Дискурс-вещь, по Бодрийяру, – это знаки социальной стратификации, знаки культурных веяний, моды, технических достижений эпохи. Они информативно насыщены, являются ретрансляторами множества социокультурных смыслов.

Смысловые единицы дискурс-вещей в обществе массового потребления формируются и усиливаются рекламой. Реклама не только информирует о ценностно-смысловом содержании дискурс-вещей, но и управляет процессом смыслопорождения и смыслопотребления.

В современном обществе рекламный дискурс превратился во властную силу, которая, с одной стороны, управляет процессом массового потребления, манипулирует общественным сознанием, а с другой стороны, в силу своего навязчивого характера вызывает реакцию сопротивления у аудитории: «словом, рекламный дискурс разубеждает не меньше, чем убеждает, и потребитель, по-видимому, если и не приобрел иммунитет к его сообщениям, то достаточно свободен по отношению к ним»³.

Рекламный дискурс представляет собой особый язык, ключевым понятием которого является «марка». В данном языке, отмечает Бодрийяр, осуществляется «чудо психологического ярлыка», которое пробуждает желания потребления вещи-дискурса⁴.

¹ Бодрийяр Жан. Система вещей / Пер. с франц. С.Н. Зенкина. М., 2001. С. 177.

² Там же.

³ Там же. С. 179.

⁴ Там же. С. 207-208.

С позиций концепции существования в обществе массового потребления особого языка рекламы, выступающего властным дискурсом, управляющим психологией статусного и имиджевого потребления, Бодрийяр производит смысловую ревизию понятия «потребление», акцентируя внимание на его причастность к знаковым системам, а следовательно – к миру дискурсов:

«Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это *виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс*. Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*»¹.

Потребление, по Бодрийяру, представляет собой участие в символическом обмене, основным предметом которого выступают знаковые системы или символические формы².

Главными катализаторами и интеграторами символического обмена, считает автор, выступают *дискурсы маркетинга*, которые мобилизуют рекламный дискурс и иные дискурсы массовой коммуникации.

В дискурсе маркетинга по существу происходит слияние экономических, политических и медийные властных ресурсов. При этом в итоге виртуализированный дискурс массмедиа оказывается наиболее сильным элементом маркетингового дискурса. Вот как эта мысль формулируется Бодрийяром: «На протяжении XIX и XX вв. политическая и экономическая практика все более смыкается в едином типе дискурса. Пропаганда и реклама сливаются в едином процессе маркетинга и мерчендайзинга вещей и идей, овладевающих массами. Такая языковая конвертация между экономикой и политикой вообще характерна для нашего общества, где в полной мере реализовалась «политическая экономия». Но одновременно это и конец политической экономии, так как обе эти сферы взаимно отменяются в совсем иной, медиатической реальности (или гиперреальности)»³.

Социально-коммуникативная трактовка дискурса

Значительную роль в разработке социально-коммуникативного подхода к анализу дискурса принадлежит Юргену Хабермасу. Хабермас связал понятие дискурса с теорией социального действия –

¹ Бодрийяр Жан. Система вещей ... С. 213.

² Бодрийяр Жан. Символический обмен и смерть. М., 2000.

³ Там же. С. 138.

стратегического, нормативного, драматургического, коммуникативного, а также с проблемой социальной легитимности. Он в отдельное понятие выделяет так называемое *дискурсное общение*, атрибутом которого является свободная и консенсусная коммуникация. Данный тип общения рассматривался как *идеальная* коммуникативная модель.

По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, в процессе которого происходит согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия: «В дискурсах мы пытаемся заново произвести проблематизированное согласие, которое имело место в коммуникативном действии, путем обоснования»¹. В дискурсе осуществляется артикуляция притязаний на значимость путем их тематизации, что создает условия для проведения дискурсии. В дискурсе также осуществляется принуждение к такому действию, которое ведет к нейтрализации мотивов, выступающих внешними по отношению к мотиву кооперации. В дискурсивной коммуникации господствует лишь специфическое «ненасильственное принуждение» наилучшего аргумента. Аргументация трактуется как главный путь продолжения поиска согласия.

Хабермас является основателем своеобразной этической теории дискурса, получившей название «*этика дискурса*». Этика дискурса рассматривается им как альтернатива теории рационального выбора.

Моральный принцип, по Хабермасу, заложен в самой *диалогической интенции дискурса*, ибо диалог всегда ориентирован на процедуру вовлечения и включения Другого в обсуждение. Диалог предполагает признание Другого в качестве достойного участника, признание его права на инаковость, на собственное отличное от других мнение. Диалогическая интенция включает также установку на преодоление конфликтности и противоречий не с помощью силовых методов, а посредством риторического убеждения, *риторического влияния*, в результате которого достигается одобрения определенной нормы или нормативного документа. Риторическое влияние индуцирует эмоциональное поле, через которое осуществляется «заражение» партнеров по диалогу определенными аргументами, склоняющими к принятию нормы, символизирующей общее решение.

Наиболее благоприятным условием для формирования нормативного дискурса Хабермас считает «условия публичной, равноправной и непринужденной коммуникации, соблюдаемые в сократическом диалоге»².

¹ Фурс В.Н. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Мн., 2000. С. 66.

² Хабермас Ю. *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб., 2001. С. 76.

Этика дискурса, по Хабермасу, включает принципы справедливости и солидарности, характерные для коммуитаристского мировоззрения. Данная этика преодолевает либеральный эгоцентризм и формулу индивидуального успеха за счет конкурентной борьбы с другими. «Дискурсивно достигаемое согласие зависит одновременно и от незаменимого «да» или «нет» каждого отдельного лица, и от преодоления эгоцентрической перспективы, которое вовлекает всех в осуществляемую ради взаимного убеждения практику аргументирования»¹.

Кроме того, этика дискурса, по Хабермасу, может служить формированию общезначимых принципов и норм в обществах переходного типа, в которых возникает кризис моральных ценностей, а также в мультикультурных и плюралистических сообществах, которые испытывают большие трудности в области согласования моральных и социально-политических кодов. «Принцип дискурса, отмечает исследователь, – служит ответом на то замешательство, в котором оказываются члены *любой* моральной общности, когда при переходе к современным обществам мировоззренческого плюрализма они осознают дилемму, состоящую в том, что, с одной стороны, они по-прежнему спорят друг с другом относительно моральных убеждений и позиций с привлечением тех или иных оснований, в то время как их фоновый субстанциальный консенсус относительно основополагающих моральных норм уже нарушен»².

Каким же образом в этике дискурса артикулируется общезначимая для участников переговоров моральная норма? Как избежать того, чтобы достижение согласия не свелось к констатации общих мест, лишенных действенной силы?

Для того чтобы общественное согласие в отношении моральных норм оказалось действенным, эффективным, необходимо, считает Хабермас, саму этику дискурса ввести в область морали, а моральные нормы посттрадиционного демократического и плюралистического общества прочно соотнести с дискурсивной практикой, нацеленной на достижение взаимопонимания. Данный подход он назвал принципом дискурса или *принципом D*.

Согласно принципу D, «претендовать на действенность могут лишь те нормы, которые способны в практических дискурсах снискать одобрение всех, кого они касаются. При этом «одобрение», которое достигается в условиях дискурса, представляет собой согласие, мотивированное эпистемическими основаниями; его нельзя понимать как договоренность, рационально мотивированную в эгоцентрической перспективе каждого»³.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого ... С. 101.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 112.

Принцип D предполагает следование определенным правилам, которые надо соблюдать в процессе аргументации. Хабермас называет следующие четыре важнейших правила дискурсивной аргументации, которым должны придерживаться участники публичного обсуждения: «а) никто из желающих внести релевантный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; б) всем предоставляются равные шансы на внесение своих соображений; в) мысли участников не должны расходиться с их словами; г) коммуникация должна быть настолько свободной от внешнего или внутреннего принуждения, чтобы позиции принятия или непринятия относительно критикуемых притязаний на значимость мотивировались исключительно силой убеждения более весомых оснований. Если же каждому, кто вступает в процесс аргументирования, приходится соблюдать хотя бы эти прагматические условия, то в прагматических дискурсах а) вследствие их публичности и включенности всех заинтересованных лиц, а также б) в силу коммуникативного равноправия их участников могут быть приведены лишь те основания, которые в равной степени учитывают интересы и ценностные ориентации каждого; в) благодаря устранению возможности, г) обмана и д) принуждения решающее значение для одобрения спорной нормы могут иметь лишь приводимые основания. При условии, что каждый ожидает от каждого ориентации на достижение взаимопонимания, этого «свободного от принуждения» принятия той или иной нормы можно в конечном итоге добиться лишь «сообща»¹.

Соблюдение отмеченных правил Хабермас считает возможным при условии перехода общества от либерально-рыночной политической практики, подчиненной логике рынка, к политике иного типа – «*делиберативной политике*». По сути своей делиберативная политика есть особая коммуникативная формация, присущая такому гражданскому обществу, где все вопросы решаются методом открытой публичной дискуссии, направленной на достижение согласия.

В этом проектном политическом пространстве «формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог»².

Итак, понятие дискурса возводится Хабермасом до принципа жизнедеятельности коммуникативного политического пространства особого типа, в котором коммуникации между социальными общностями изначально нацелены на взаимопонимание, взаимоуважение, солидарность и согласие. Их функционирование предполагает также

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого ... С. 115-116.

² Там же. С. 388.

соблюдение определенных этических норм ведения дискурсии и аргументации. Дискурс, таким образом, выступает у Хабермаса ключевым понятием и концептом политической идеологии и практики, обозначаемой понятием «делиберативная политика». Хабермас сознательно сужает толкование дискурса до определенной нормы коммуникативного поведения. Таким образом он выражает свою критическую позицию в отношении весьма широкой трактовки данного понятия, встречаемой у представителей постмодернистской традиции дискурс-анализа.

Постмодернистская теория дискурса

Постмодернистский подход к дискурсу имеет следующие основные особенности: 1) понятием «дискурс» охватываются все социальные практики без исключения; за основу берется максималистская формула Жака Деррида: «Все есть дискурс»; 2) дискурс трактуется как синоним практики социального конструирования; 3) рассмотрение дискурсов как открытых, подвижных и изменчивых образований, которые находятся в постоянном взаимодействии и конфликте с другими дискурсами, ведут между собой непрерывную конкурентную борьбу за означивание, за победу определенного способа интерпретации; 4) трактовка социальных антагонизмов как столкновение дискурсов; 5) утверждение, что все образы действительности, обозначаемые понятием «объективность», сформированы доминирующими дискурсами, одержавшими победу в конкурентной борьбе за означивание с альтернативными знаковыми формациями; 6) представление об идеологии и рекламе как о совокупности изменчивых знаков, имеющих различные артикуляции и обозначаемых понятием «миф»; 7) стремление объединить в дискурс-анализе концепцию власти Фуко с психоанализом власти Лакана, подход к дискурсу как к единству силы и страсти.

Постмодернистский подход к дискурсу в зарубежной литературе последних лет представлен работами Эрнесто Лакло, Шанталь Муфф, Якоба Торфинга, Славоя Жижека. Многие элементы данного подхода содержатся также в работах Марианне В. Йоргенсен, Луизы Дж. Филлипс и ряда других авторов.

Постмодернистские трактовки дискурса опираются на следующие постулаты *социального конструкционизма*: 1) наши знания и представления о мире – это не прямое отражение внешнего мира, а результат классификации реальности посредством категорий; выражаясь языком дискурс-анализа, наши знания – продукт дискурса; 2) способы понимания и представления мира обусловлены историческим и культурным контекстом; «дискурс – это форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира (включая знания, людей и социальные отношения)»; 3) знания возникают в процессе социального взаимодействия, где люди

конструируют истины и доказывают друг другу, что является верным, а что ошибочным; 4) в соответствии с определенным мировоззрением некоторые разновидности поведения фиксируются как естественные, другие – как неприемлемые; «различное социальное понимание мира ведет к различному социальному поведению, и поэтому социальная структура знаний и истины имеет социальные последствия»¹; 5) все социальные и культурные *идентичности представляют собой дискурсивные конструируемые*, в которых реализуются отношения доминирования и позиционирования.

Ведущими теоретиками постмодернистского дискурс-анализа считаются Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф.

Основная цель дискурс-анализа, по Лакло и Муффу, состоит в том, чтобы очертить процессы структурирования социальной реальности, в ходе которых происходит закрепление за теми или иными знаками определенных значений, устанавливаются, воспроизводятся и претерпевают изменения отношения идентичности. Данные процессы Лакло и Муфф обозначают термином «артикуляция». «Мы называем *артикуляцией* любое действие, устанавливающее отношение среди элементов так, что идентичность знаков изменяется в результате артикуляционной практики. Все структурное единство, появившееся в результате артикуляционной практики, мы назовем *дискурсом*. Позиции, в которых знак приобретает отличия, ясно сформулированные в пределах дискурса, мы назовем *моментами*»².

Знаки являются моментами дискурса как сетевой системы. Значение каждого знака определяется его отношением с другими знаками. Например, в медицинском дискурсе значение таких понятий как «органы тела», «болезнь» и «лечения» взаимообуславливают друг друга.

В дискурсе как знаковой системе выделяются некоторые центральные или *узловые точки*, выступающие в качестве *привилегированных знаков*, вокруг которых упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки. В медицинском дискурсе узловой точкой является понятие «тело». Вокруг него кристаллизуются знаки типа «орган», «ткани», «скальпель». В политическом дискурсе узловыми точками выступают понятия «гегемония», «идеология», «демократия» и др.

Дискурсы как сетевые знаковые системы образуют символические области, имеющие свои границы и пограничные зоны, за пределами которых находится «область дискурсивности». «Область дискурсивности – это резервуар для «добавочных значений», производимых практикой *артикуляции* – то есть значений, которые имеет или имел каждый знак, но которые исключены определен-

¹ Филлипс Л.Дж. и Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. Харьков, 2004. С. 19-21.

² Там же. С. 49.

ным дискурсом при создании единства значения. Например, медицинский дискурс образуется путем исключения дискурсов об альтернативных методах лечения, в которых тело в большей степени рассматривается как нечто целостное, пропускающее сквозь себя энергию»¹.

Область дискурсивности понимается либо как все, что исключено из символического пространства данного дискурса, либо как сфера, где происходит борьба различных дискурсов за легитимность и доминирование в процессе означивания. К примеру, дискурс нетрадиционной медицины уже частично вошел в обиход институционального медицинского дискурса (в частности метод иглоукалывания). В политическом дискурсе определенную легитимность приобрели дискурсы маркетинга и менеджмента, что проявилось в возникновении в рамках дисциплинарной системы политической науки таких дисциплин как политический маркетинг и политический менеджмент.

Представители постмодернистского подхода трактуют дискурс как незавершенную, *открытую* для изменений структуру, как *многовариантный спектр артикуляций*, как конгломерат, в котором, кроме уже однажды зафиксированного значения, всегда есть и другие потенциальные варианты означивания, которые могут преобразовывать структуру дискурса. Иначе говоря, у дискурсов нет раз и навсегда жестко структурированных семиотических границ и единственно возможной схемы артикуляции. Дискурс подвержен переструктурированию и потенциально содержит возможности альтернативных вариантов артикуляции смыслов и значений.

Важнейшей функцией дискурса является функция артикуляции идентичности того или иного социального субъекта. Определенная идентичность приобретается субъектом посредством дискурсивного структурирования социального мира и осуществления процедур позиционирования внутри дискурса. Субъект является чем-то, потому что он в дискурсах противопоставлен чему-то.

Дискурсы всегда определяют позиции, которые люди занимают. При этом их соотношение носит властно-регулятивный характер. В позициях участников дискурса закреплены определенные полномочия, нормативы, обозначающие пределы допустимого дискурсного поведения. «Например, в дискурсе медицинской консультации позиции «доктор» и «пациент» предопределены. В соответствии с этими позициями, есть ожидания того, как действовать, что говорить, и что не говорить. Например, во власти доктора сказать, чем болен пациент; пациент же это может только предполагать. Если доктор не верит, что пациент болен, но пациент настаивает на этом, считается, что пациент переходит границы дозволенного и воспринимается как ипохондрик»².

¹ Филлипс Л.Дж. и Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ ... С. 51.

² Там же. С. 71-72.

Субъект приобретает свою идентичность в дискурсивных практиках. Эта идентичность поливариантна, многослойна, неоднозначна.

Идентичность, по Лакло и Муффу, образована дискурсом социокультурных практик в соответствии с принципом относительности. Поэтому субъект всегда расщеплен, он имеет разные идентичности, он всегда имеет возможности иной идентификации. Люди объединяются в группы в связи с тем, что некоторые возможности идентификации начинают выступать как наиболее приемлемые и потому – приоритетные. При этом другие варианты идентификации игнорируются, исключаются из социально-политической игры. Те социальные группы, которые потенциально являются носителями иных возможностей идентификации, в доминирующей идентификации подпадают под понятие «другие».

В процессе дискурсивной борьбы могут образоваться взаимоисключающие идентичности. Тогда это приводит к социальным антагонизмам. Антагонизм, согласно Лакло и Муффу, может быть преодолен посредством гегемонии. Гегемония трактуется как *перearтикуляция антагонистических дискурсивных практик*.

В теории дискурса Лакло и Муффа большое внимание отводится анализу политики. Политика по сути вплетается ими в дискурсивную практику, поскольку является способом конструирования, воспроизводства и преобразования социального мира. Собственно вся политика рассматривается как сфера борьбы между определенными дискурсами. Политические артикуляции определяют, как мы действуем и думаем, представляя собой способ властвования и распределения власти.

Политический дискурс оказался также в центре внимания другого известного представителя постмодернистского дискурс-анализа – Якоба Торфинга.

Торфинг видит в дискурсах прежде всего источник политического управления общественным сознанием, определенный вид социальной практики. Он считает, что постмодернистская теория дискурса позволяет расстаться с иллюзией о существовании некоего экстрадискурсивного смысла политических событий, отказаться от поисков объективной Правды или Справедливости. Образы Правды и Справедливости имеют не объективную, а дискурсивную природу. Правда – это не черта реальности, а черта языка.

Господствующие способы интерпретации социальных понятий и действий, установившийся при определенных социально-исторических обстоятельствах порядок их иерархизации, то есть *порядок дискурса*, вот что на самом деле формирует смысловое пространство общественно-политических практик, устанавливает, что есть Правда, а что – ложь.

Только обратившись к анализу конкретного порядка дискурса или дискурсивного режима, можно более или менее полно понять

содержание и смысл случившихся политических событий. Следовательно, отмечает Торфинг, при анализе интервенции НАТО в Косово недостаточно изучить факты о кризисе, о принятых политических решениях и последствиях военного вмешательства. Недостаточно и просто ответить на вопрос, следует ли рассматривать эту интервенцию как гуманитарную (как предлагает НАТО). Теория дискурса должна расширить взгляд и проанализировать изменившиеся исторические условия, которые позволили провести военную кампанию под видом гуманитарной интервенции. Следовательно, дискурсивный анализ должен изучить перестановку в дискурсивной иерархии, возникшей между понятиями уважения национального суверенитета и уважения человеческих прав¹.

Дискурсивный порядок трактуется Торфингом и другими постмодернистами как способ структурализации в общественном мышлении картины социальной реальности. Так, например, считается, что дискурсивный режим бинарности, когда мир видится через призму бинарных оппозиций (свой/чужой, мужское/женское, внутренний/внешний, первичный/вторичный, присутствующий/отсутствующий, разумный/неразумный и т.п.) ведет к установлению определенных отношений иерархии, соподчинения между членами оппозиции.

Мыслительные схемы бинарной иерархии трактуются как дискурсивные структуры социального мира, которые определяют его устойчивость и реализуется в конкретных социальных практиках. Любые перестановки в иерархиях бинарных дискурсивных структур подрывают эту устойчивость, приводят к противоречиям, социальным кризисам.

Важную роль в установлении и деконструкции дискурсивных иерархий играют политические решения. Принятию политических решений благоприятствуют условия дестабилизации, нарушения в стабильных естественных иерархиях окружающего нас мира, но политика это также и сила, которая конструирует эти иерархии².

Торфинг обозначает *пять ключевых постулатов* постмодернистской теории дискурса.

Первый постулат заключается в том, что все формы социальных практик работают на фоне специфических для данного исторического периода дискурсов, которые выступают в качестве систем означивания. Все, что мы говорим, делаем или думаем, зависит от более или менее запечатленных в нашей памяти дискурсов (осадочные дискурсы).

На абстрактном уровне можно сказать, что дискурсы – это группы символов, которые скрепляют семантику языка с прагмати-

¹ *Torfin J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance/* edited by D. Howard and J. Torfin. Palgrave Macmillan Ltd, 2005. P. 10.

² *Ibid.* P. 12.

кой действия. На более конкретном уровне *дискурс можно представить в качестве группы когнитивных схем, концептов, риторических стратегий, картин и образов, символических действий (ритуалов) и структур (например в архитектуре), модальностей и ритмов рассказа.*

Второй постулат заключается в том, что дискурс формируется и через борьбу за гегемонию, которая нацелена на установление политического и морально-интеллектуального лидерства, через артикуляцию значений и идентичностей. Это означает, что дискурс не определяется структурным давлением со стороны социоэкономических инфраструктур, а также не является следствием диалектического разума. Дискурс – продукт бесконечной сети неотрефлексированных стратегических решений. Дискурсивные практики, которым удается дать принципы прочтения прошлого, настоящего и будущего, завоевать сердца и умы людей, становятся главенствующими.

Главенствующие дискурсивные практики содержат набор узловых точек, которые образуют идеологическую тотальность.

Третий постулат гласит, что борьба между дискурсами за гегемонию в утверждении значений коррелируется с социальными антагонизмами. В дискурсных битвах социальные антагонизмы рефлексированы через процедуры разделения социальных значимостей на собственные и чужие, на находящихся внутри установившегося порядка дискурса и на находящихся вне его. Спор вокруг того, что и кто включен или исключен из главного дискурса, занимает центральное место в политике.

Четвертый постулат состоит в том, что упрочившийся главный дискурс может быть выбит из колеи при столкновении с событиями, которые он не в состоянии объяснить и которые он не в силах вписать в свою схему интерпретаций. Кризис касается прежде всего однажды достигнутого и относительно устойчивого общественного согласия в интерпретации определенным образом универсальных понятий, таких как Революция, Модернизация, Нация, Народ и т.п. В итоге в господствующем дискурсе образуется логическая трещина, что тут же сказывается на схеме социальных отношениях. Она тоже нарушается. В обществе начинают идти споры о том, как ликвидировать трещину в социальном порядке. В результате происходит артикуляция нового главного дискурса, осуществляется переинтерпретация универсалий.

Пятый постулат гласит, что смена дискурсов свидетельствует о том, что не может быть одной единственной идентичности у социальных образований и субъектов. Любой субъект может быть сведен к целому ансамблю идентичностей¹.

В ряде постмодернистских работ вопрос об идентичности как произведении дискурсивных практик рассматривается через призму

¹ Torfing J. Discourse Theory ... P. 14-17.

психологических аспектов процедуры социальной идентификации. Такова, в частности, позиция Яниса Ставракакиса, который в качестве одного из объектов своего дискурс-анализа берет дискурс новой европейской идентичности, возникающий в процессе европейской интеграции.

В своей статье «Страсти идентификации: дискурс, наслаждение и европейская принадлежность», опубликованной в сборнике работ европейских авторов «Теория дискурса в европейской политике. Идентичность, политика и управление» (2005), Ставракакис утверждает, что с позиции теории дискурса проблема идентификации заключается не в том, чтобы люди нашли или узнали свою достоверную и изначальную идентичность, а в том, чтобы она у них сформировалась. По мнению автора, следует исходить из того, что идентичность как на личностном, так и на политическом уровнях – это всего лишь названия для того, чего мы всегда желаем, но никогда не можем достичь¹.

Какие же практики поддерживают на должном уровне мотивацию на формирование идентичности, спрашивает автор? И сам дает ответ: таковыми являются дискурсивные практики, в которых заключен стимул к отождествлению с чем-либо, например с политической идеологией или этнической группой.

Основными вопросами постмодернистского дискурс-анализа идентичности, по мнению Ставракакиса, являются следующие: что собой представляет процесс идентификации? что движет нескончаемым повторением процесса идентификации? является ли формирование идентичности лишь игрой семиотики? И самый главный вопрос – что является причиной долговременного, устойчивого характера некоторых идентификаций, к примеру, национальных?

За ответами на данные вопросы автор предлагает обратиться к работам Фрейда, в которых обретение идентичности трактуется как реализации эмоциональной потребности в получении наслаждения от отождествления с группой. Именно страсть к групповой принадлежности как эмоциональная сила, ведущая к получению идентификационного удовольствия (либидо) удерживает группу в состоянии целостности. Поэтому, по Ставракакису, социальная общность есть не только дискурсивная целостность, но и объединение людей на основе страсти, наслаждения.

Ставракакис предлагает взглянуть на проблему европейской идентичности с точки зрения эмоциональной привлекательности называться европейцем и того наслаждения, которое может быть испытано в ходе формирования данной идентичности.

¹ *Stavrakakis Y. Passions of Identification: Discourse, Enjoyment, and European Identity // Discourse Theory in European Politics. Identity, Policy and Governance / Ed. by D. Howard and J. Torfing. Palgrave Macmillan Ltd, 2005. P. 70.*

Рассмотрение дискурса с позиции его эмоционально-энергетической емкости или эмоционального заряда вводит в процедуру дискурс-анализа дополнительный ракурс – психологический. Лингвистические, кратологические, семиотические, коммуникативные, конструкционистские и прочие аспекты дискурса в итоге оказываются ипостасями дискурсивной реальности, представляющей собой живой, эмоционально заряженный и действенный феномен.

Энергетическое поле дискурса нередко оказывается настолько сильным, что способно приводить в движение целые страны и народы. Достаточно вспомнить так называемую «карикатурную войну», когда безобидные для западно-европейского светского образа мысли «веселые картинки», размещенные в одном из датских журналов, вызвали, казалось бы, совершенно неадекватную по европейским меркам агрессивную реакцию со стороны населения ряда арабских стран. Официальные и религиозные круги многих государств расценили распространенный европейскими СМИ карикатурный дискурс не иначе как покушение на святыни и как политическую провокацию. Проявившейся в этой «карикатурной войне» конфликт светского и религиозного дискурсов продемонстрировал не только заложенные в дискурсах силу и страсть, но и существование динамичного поля соперничества между разными дискурсами, поля битв за гегемонию.

Критический дискурс-анализ

Под критическим дискурс-анализом (сокращенно КДА) подразумевается весьма популярное и широкое научное течение, фокусирующее внимание главным образом на властно-политической и идеологической природе дискурса и делающее предметом исследования реализуемые в дискурсах отношения подчинения, неравенства, дискриминации. В КДА получили развитие и практическое применение лингвистические, кратологические, семиотические и социально-коммуникативные подходы к дискурсу.

Ведущими представителями КДА являются Норман Фэркло, Рут Водак, Лили Чоулиораки), Тьон А. ван Дейк, Пол Чилтон, Кристина Шафнер и др.¹

¹ См.: Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989; Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // Discourse and Society, 1993, № 4(2). P. 133-168; Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold. 1995; Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London: Longman. 1995; Kress Gunther. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. V. 4. Discourse Analysis in Society. London: Academic Press, 1985. P. 27-42; Dijk T. Discourse and Elit Rasism. London: Sage. 1993; Dijk T. Principles of critical discourse analysis // Discoursr and Sosiaty, 4(2) .P. 249-283; Wodak R. Disorders of Discourse. London: Longman, 1996; Wodak R., Meyer M. Methods of

Представители КДА изначально рассматривают свои дискурс-теории как методологический инструментарий, предназначенный для критического разоблачения закодированных в дискурсивных практиках отношений социального доминирования и дискриминации.

Дискурс в КДА трактуется как коммуникативный ресурс, способствующий формированию и воспроизводству неравного распределения власти между социальными группами.

Дискурсивные практики анализируются с позиции производимых ими идеологических эффектов: они формируют и воспроизводят неравенство в социальных отношениях, создают идентичности путем позиционирования и категориальной классификации групп и людей.

Занимаясь выявлением властных отношений в дискурсе, представители КДА определяют власть как производительную силу, появляющуюся в результате усвоения и признания некоторого типа языка участниками социальных взаимодействий.

Главная особенность КДА, отличающая данное направление от других дискурс-теорий, заключается в том, что его представители сознательно встают на сторону борьбы подавляемых и угнетаемых социальных групп против групп, продуцирующих и воспроизводящих репрессивные дискурсы.

Все возрастающий исследовательский и общественный интерес к КДА в последние годы объясняется рядом факторов. Одним из них является появление в политической жизни новых социальных движений, которые обозначаются такими терминами, как «движения за идентичность», «борьба за признание», «движения за культурные права и мультикультурное гражданство» и др., получивших в США общее название – «политика идентичности».

В политике идентичности формулируются требования социального, политического и правового признания субкультур дискриминируемых общественных групп, требования расового, этнического, гендерного и другие равенства. В данных требованиях содержится идея о необходимости коренного переосмысления и изменения существующих социокультурных и дискурсивных практик распределения власти. «Они, – отмечает Сейла Бенхабиб, – сигнализируют о новых политических представлениях, выдвигающих проблемы культурной идентичности в широком смысле на передний план политического дискурса»¹.

Основными теоретико-методологическими установками и особенностями КДА в области интерпретации и анализа дискурса являются:

Critical Discourse Analysis. London: Sage, 2002; Chilton P., Schaffner C. Discourse and Politics // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. V. 2: Discourse as Social Interaction. London: Sage, 1997 и др.

¹ Бенхабиб Сейла. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. Под ред. В.И.Иноземцева. М., 2003. С. XXXII.

- 1) лингвистически-ориентированный подход к дискурсу-анализу;
- 2) трактовка дискурса как коммуникативной акции, производимой в форме текста и речи;
- 3) интерпретация письменного и разговорного дискурса как форм социальной практики;
- 4) диалектический взгляд на взаимосвязь дискурсов и социальных практик, подчеркивание их взаимной обусловленности;
- 5) понимание дискурса как вербальной репрезентации отношений идеологического доминирования;
- 6) акцент на критике и разоблачении дискриминационного и репрессивного содержания господствующих социально-политических дискурсов;
- 7) особое исследовательское внимание к дискурсам расизма, национализма, сексизма;
- 8) рассмотрение дискурса элит и медиадискурса как основных источников властной асимметрии.

В 1994 г. ученые, занимающиеся критическим дискурс-анализом, объединились в международную сеть CRITICS (Centres for Reserch into Texts, Information and Communication in Society – Центры изучения текстов, информации и коммуникации в обществе). В настоящее время представители КДА значительное внимание уделяют изучению властной силы медиадискурса с учетом все возрастающей роли культурно-информационных ресурсов в установлении режима правды.

Многообразие теоретико-методологических подходов к интерпретации дискурса свидетельствует как о многоплановости самого феномена дискурса, так и о значимости данного понятия для изучения современных коммуникативных пространств. Благодаря широкому распространению дискурс-исследований внимание научной общественности оказалось сфокусированным на изучении моделей коммуникативных полей, которые конструируются и развиваются, благодаря формационной силе и энергии взаимодействия разнообразных «частиц», называемых дискурсами. В зависимости от того, какого рода коммуникации оказываются в фокусе научного анализа, выделяются дискурсы определенного рода (политические, масс-культурные, педагогические, религиозные, маркетинговые и др.).

Комплексное изучение многообразных подходов к дискурсу и специализированный анализ многообразных видов дискурса сегодня оказывается весьма востребованным, что закономерно ведет к формированию новой дисциплины – дискурсологии¹. Предметную область дискурсологии должны составить как вопросы общего теоре-

¹ Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Что такое дискурсология? // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Первой международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2006. С. 6-7.

тического порядка, рассматривающие природу, структуру, функции дискурса, его различные трактовки, так и проблемы прикладной дискурсологии, которая занимается анализом конкретных дискурсов, действующих в определенных коммуникативных сферах.